О хлебе, о нефти, о благе

Интервью: Андрей Главанаков, Лидия Дмитриева

Графика: **Алексей Шкляр**
Фотографии: **Екатерина Суходолина**

| впередсмотрящий |

Доклад о Комиссии по естественным производительным силам (КЕПС) представляется содержательно важным и удивительно актуальным в свете модернизационной риторики. Однако не всё из него оказалось ясным. Как именно возникла и существовала Комиссия? Почему она удалась? Что в её сути и устройстве определило беспрецедентное её влияние на последующий путь страны? Наконец, возможна ли подобная сборка в сегодняшнем дне — и как? Разговор с экспертом в сфере социального проектирования Сергеем Боровиковым включил в себя многие реалии современного мира, на фоне которых и задавался вопрос о том, каким образом и сегодня знание может организоваться в переформатирующую мир силу.

Что стало причиной того, что Комиссия состоялась?

Предложения Вернадского, достаточно узкого специалиста (а он был геологом, занимался радиоуглеродным методом датировки геологических слоёв), оказались плодотворными, КЕПС очень быстро росла и развивалась.

Удивительно, что произошла консолидация научной элиты, — при том, что учёные были занятыми и состоявшимися людьми, каждый при своих делах, заботах и исследованиях. Тем не менее они восприняли задачу инвентаризации всех доступных производственных сил России как безотлагательную. Причём достаточно быстро начали обсуждать не просто мобилизацию под злободневные нужды военной промышленности, но и развитие в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Война войной, но страну надо развивать.

На что в этой перспективе они делали ставку?

Велись прорывные на тот момент исследования. Например, существовала отдельная секция по драгметаллам. Чуть позже выделилась секция по радию. Отдельным направлением была гидроэнергетика

Основные месторождения железа и угля, до сих пор значимые для экономики страны, были открыты, исследованы и подготовлены к разработке именно в те годы. Если не говорить о нефти и газе — то фактически сегодня Россия доедает задел КЕПС.

(«белый уголь», как они её называли); занимались даже перспективами ветровой энергетики… В общем, изучали все доступные энергоресурсы.

Исследования велись в широчайшем спектре направлений — от чисто технологических до биологических. Так, Комиссия изучала, как следует научно обоснованно добывать рыбу, чтобы её запасы восстанавливались.

Интересно, что, кроме собственно штата Академии наук, в работах участвовали и чиновники. Конечно, в первую очередь военное министерство, но не только.

Комиссия поступательно развивалась, получала средства из различных источников и, что самое для меня удивительное, продолжила свою работу в 17-м, 18-м, 19-м годах, каким-то чудом финансирование сохранив. Это единственная, наверное, структура, сохранившая деятельность и бюджет при всех перипетиях перехода власти от царского правительства к Временному и далее к большевикам. Они, конечно, жаловались, что им пришлось ужать какие-то направления деятельности… печатать меньше трудов, чем планировалось. Но для Петрограда 18-го года эти жалобы выглядят немного странно.

Как всё это выглядело организационно?

КЕПС существовала в форме отделений и секций, работающих по конкретным направлениям. Периодически собирались на большие общие заседания; количество действительных членов достигло почти полутора сотен. Отделения постоянно развивались и множились. Уже в 20-х годах на базе КЕПС и её отделений было создано порядка двадцати академических институтов, таких как Радиевый институт, Оптический институт, Рентгенологический, Астрономо-геодезический, Энергетический. Советские генетики тоже в значительной мере вышли из кепсовских структур.

Практически вся наша академическая система институтов — это развёрнутые отделения КЕПС. До этого Академия наук не имела такой структуры, как академический институт. На тот момент времени это был абсолютно инновационный способ организации науки.

Как академики жили с новой властью?

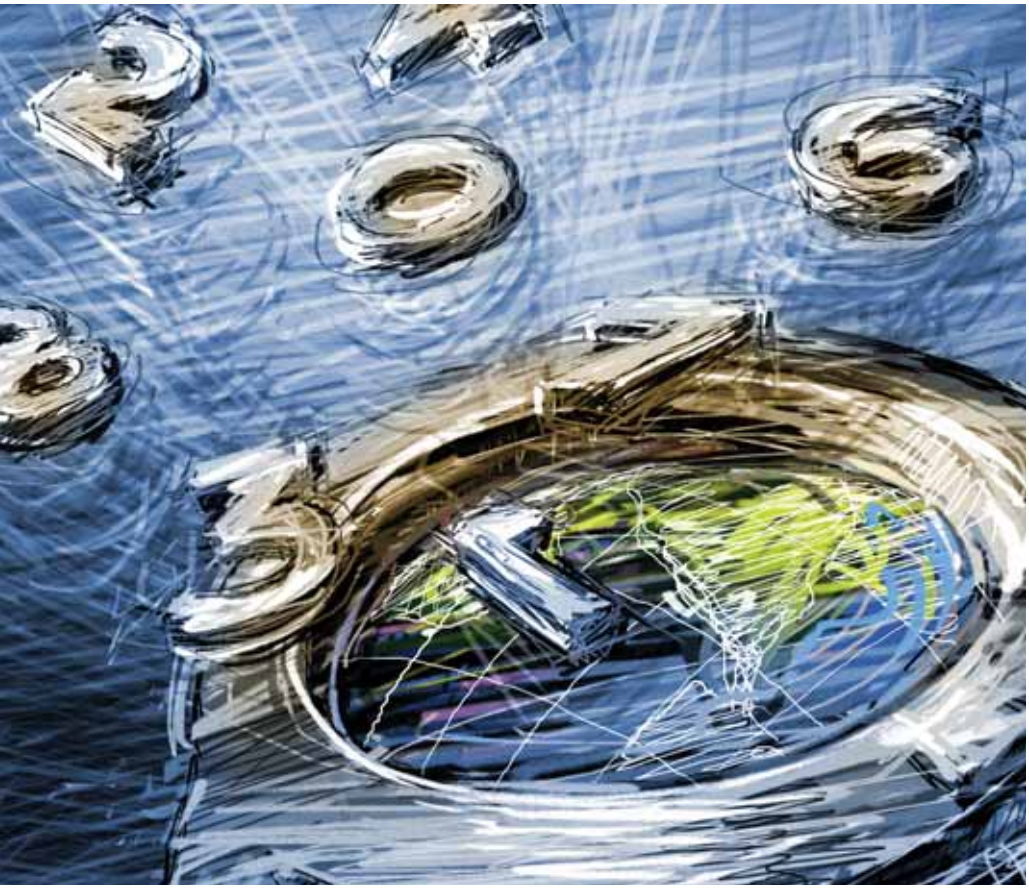
В 20-е годы КЕПС пережила довольно сложный период, когда Академию наук подминали под себя большевики. Тогда в Академию под политическим давлением вводились персонажи типа комиссаров. Академики пережили это относительно безболезненно — хотя, конечно, ругались.

Но работать, я так понимаю, большевики им сильно не мешали. Потому что ничего не понимали?

Практически вся наша академическая система институтов — это развёрнутые отделения КЕПС. До этого Академия наук не имела такой структуры, как академический институт. На тот момент времени это был абсолютно инновационный способ организации науки.

КЕПС росла органическим, не административным образом. Не было так, что главный академик сказал: надо! — и все пошли за Вернадским. Вообще, особенностью КЕПС были выраженно демократические принципы управления, не очень характерные для того периода.

Одной из их задач стало развитие статистики — ибо её в стране на тот момент просто не оказалось. Когда эта задача в первом приближении была решена, выяснилось, что некоторые значимые продукты в стране не производятся.



Отчего же, среди большевиков были довольно приличные учёные, тот же Богданов-Малиновский, например. «Тектология» Богданова — фундаментальный труд по теории системы организации управления — предвосхищает работы по теории систем Берталанфи.

Кроме того, что Богданов занимался теорией и практикой управления и организации, он работал в области медицины. Собственно, у него был институт, где велись исследования по переливанию крови. Богданов и погиб при неудачном переливании крови — наиболее опасные эксперименты он ставил на себе.

Это тот, который известен как экономист Богданов?

Да. Конечно, в его теории есть свои недостатки… А в целом она воспринимает систему, в том числе социально-экономическую, как организм. Который развивается, проходит через кризисы… Для того времени это было совершенно инновационное прочтение — на фоне господствовавшего тогда механицизма. Богданов — лишь один из примеров, там хватало вменяемых людей.

Возвращаясь к истории взаимодействия с советской властью…

Была сложная борьба за вывод Академии наук из-под контроля Наркомпроса, административные игрища, но Академия, в общем, успешно справилась. Интересно, что, кроме привычных научных институтов, в 20-х годах из КЕПС выделилась такая своеобразная структура, как СОПС — Совет по общественным производительным силам. Этот Совет стал государственной структурой, фактически положив основу Госплану.

Можно утверждать, что вся система долгосрочного планирования социально-экономического развития в СССР в значительной мере базируется на трудах КЕПС. Так, ГОЭЛРО Кржижановского основывается на работах отделения «белого угля». В каком-то смысле большевистская программа индустриализации России целиком лежит в русле работ КЕПС. Даже современная энергетика России (кроме атомной, которой тогда не было физически), в общем, размещена примерно так, как в Атласе энергетических ресурсов СССР в 35-м году её положил Кржижановский.

Основные месторождения железа и угля, до сих пор значимые для экономики страны, были открыты, исследованы и подготовлены к разработке именно в те годы. Если не говорить о нефти и газе, то фактически сегодня Россия доедает задел КЕПС. Но производственные силы данного типа, благодаря которым страна, со сделанными оговорками, развивалась 90 лет (с 1915 по 2005 год), в общем, можно считать исчерпанными. Определённо, требуется свежая кровь и новые идеи.

А КЕПС сохранилась до сего дня в виде специализированного подразделения Академии наук. Руководит им академик Александр Григорьевич Гранберг, довольно известная личность. В том числе там занимаются разработкой программ социально-экономического развития регионов, имеют обширный план исследований. Это уважаемая академическая структура, в ней работают десятки докторов наук. Не так давно праздновалось 90-летие КЕПС.

В первые годы существования Комиссии — кто ставил им задачи?

Как я понимаю, года до 17–20-го ставить им задачи особо было не-

Дореволюционная Россия не была совсем уж технически отсталой страной: в ней, хотя и со значительным отставанием, шла индустриализация. К 1913 году мы были пятыми в мире по объёмам промышленного производства.

кому. Это была уникальная система самоорганизации научной элиты.

То есть они самостоятельно прогнозировали потребности производств?

Они естественным образом обращались к соответствующим практикам, в профильные министерства. При этом если в военном ведомстве было «всё посчитано», то в других многое посчитано не было. В этом смысле одной из их задач стало развитие статистики — ибо её в стране на тот момент просто не оказалось. Когда эта задача в первом приближении была решена, выяснилось, что некоторые значимые продукты в стране не производятся, — в результате пришлось искать необходимые источники сырья и технологии его переработки. Для поиска недостающих полезных ископаемых были организованы экспедиции. Апатиты Мурманской области — это кепсовская находка (так же, как и ввод месторождений в эксплуатацию), никель Мурманской области и Кольского полуострова — тоже.

Как они сами видели задачу своей работы?

Основной задачей было самообеспечение России в условиях войны. В первые годы советской власти страна находилась в международной изоляции, и это также задавало необходимость опоры на собственные силы.

В общем, им было важно, на какой базе развивать страну. Читая сегодня их отчёты, трудно понять внутреннюю мотивацию этих людей — чего они на самом деле хотели. Сильно изменилась историческая и культурная среда, да и советская история своеобразно трактовала отдельные их устремления и положения. Но то, что их действия были направлены на вовлечение максимального количества природных ресурсов в научно-практический, экономический оборот, — понятно. Я не нашёл секций, связанных с транспортом, тот же Транссиб — это докепсовская программа. Кто-то другой продвигал эту идеологию, очевидно, у Комиссии были предшественники в масштабном планировании. Но основы советского планового хозяйства — это видно — выросли из работ КЕПС.

Как финансировалась работа Комиссии?

Сначала это была самоорганизация в рамках Академии наук, потом выделялись бюджеты под конкретные виды исследований, привлекались также деньги промышленников. То есть были как государственные средства, преимущественно военный бюджет, так и в современном смысле хоздоговорные работы. После революции Комиссию сначала финансировал Наркомпрос, потом (с 1925 года) Академия наук перешла в непосредственное подчинение СНК. На этом этапе специалисты в области физико-математических, химических и технических наук непосредственно участвовали в работе президиума ВСНХ, некоторые становились руководителями государственных структур. Можно отметить, что Госплан возглавил академик Г. М. Кржижановский. А в 1928 году ряд видных химиков обратили внимание правительства на необходимость внедрения химии во все отрасли народного хозяйства. В результате Совнарком создал Комитет по химизации народного хозяйства, который возглавил академик Н. П. Горбунов. Определённую роль в судьбе КЕПС и РАН сыграл и В. И. Ленин. Так, он лично распорядился выделить им дрова на отопление в 18-м году, а впоследствии встал на сторону академиков в конфликте с Наркомпросом.

Сегодня имя Вернадского известно больше в связи с его ноосферными штудиями. Для многих неожиданно, что он оказался сильным организатором практико-ориентированных исследований.

Это современные интерпретаторы обвиняют Вернадского в том, что он «занялся ноосферой». На самом деле он был геологом и в рамках своих исследований пришёл к выводу о тесной связанности геологических реалий с биологическими. Так, в формировании геологических слоёв существенное значение имеют не только чисто механические, тектонические процессы типа извержения пород, но и биологические факторы, отложения биологического материала. Именно отсюда он строил свои рассуждения о единстве живого и неживого на Земле. Действительно, датировка слоёв часто основана на окаменевших организмах и определённых полезных ископаемых, с ними связанных. Одна из теорий происхождения нефти говорит, что это микроорганизмы, сложным образом видоизменённые в глубине Земли.

Похоже, Комиссия намеревалась осуществить тотальную модернизацию страны?

Нужно заметить, что дореволюционная Россия не была совсем уж технически отсталой страной: в ней, хотя и со значительным отставанием, шла индустриализация. К 1913 году мы были пятыми в мире по объёмам промышленного производства. Из явных технических достижений у нас были первые тяжёлые самолёты «Илья Муромец», была неплохая школа судостроения. Академик Крылов, до сих пор признанный авторитет в области гидродинамики, теории устойчивости судна, внёс заметный вклад в мировое судостроение. Так, он был в 1898 году награждён Золотой медалью Британского Общества Корабельных Инженеров. Однако достижения отдельных ярких личностей не могли сломать общую отсталость российской промышленности.

В моём прочтении ситуации — управленческая элита просто не была готова к новым реалиям. Так, начало Первой мировой войны было связано с рядом тяжёлых военных поражений. Артиллерии не хватало снарядов, а промышленность не справлялась с их производством. Совершенно новые на тот момент тяжёлые самолёты Си-

Новые сущности постиндустриального типа с трудом схватываются классической системой управления. И снова возникает вопрос к типу статистики: считать сталь можно в тоннах, прокат в метрах, а вот как считать интернет-трафик — уже не очень понятно.

корского, первая тяжёлая бомбардировочная авиация не смогли реально повлиять на развитие событий.

Известен, конечно, выдающийся воздушный бой «Ильи Муромца», где были сбиты несколько самолётов противника. Но приходилось преодолевать немыслимое сопротивление как военного министерства, которое не хотело оплачивать эти машины, так и лётчиков, которые привыкли летать на маленьких импортных самолётах и «Илью Муромца» очень не любили. Двигатели на первых «Муромцах» были немецкие, и с началом войны их вынужденно заменили на французские, попытки наладить производство таких двигателей в России не увенчались успехом.

То есть это были какие-то культурные и технологические чудеса, но об их внедрении в системную практику речь не шла?

Да, всё это существовало в форме разовых уникальных событий и в широкий оборот не вводилось. Так, развитие гидроэнергетики сдерживалось православной церковью, которая крайне негативно относилась к созданию водохранилищ на Волге — из каких-то своих соображений.

Работы Крылова по кораблям никак не помогли России в Цусимском сражении и вообще не привели к созданию более или менее конкурентоспособного флота. Мы были вынуждены строить военные корабли в Англии, которая тогда не очень-то с нами дружила, и в результате получали корабли устаревших моделей и возможностей[1].

Ведь этот разрыв существует от века к веку. Есть гипотеза, почему так случается?

Гипотеза очень простая — тип управленческой элиты и способы управления были удачными для аграрного, но не для индустриального типа хозяйствования. На это есть объективные данные: например, в начале XX века Россия вырвалась вперёд по производству зерна, заполонила всю Европу дешёвым хлебом и считала, что чисто макроэкономически «держит её за горло». Экспорт шёл на фоне периодического голода, и этот избыток хлеба преимущественно производился крупными помещичьими хозяйствами, внедрявшими современные технологии. Именно на расширение товарного сельскохозяйственного производства были направлены и столыпинские реформы.

Тот тип управления, ментальности, он хорошо оперировал какими-то аграрными вещами. Но в индустриальной логике он работал плохо. Можно вспомнить пример с железной дорогой Петербург — Москва, строительству которой воспротивился весь кабинет министров. После двухлетних изысканий там пришли к мнению, что «строить железную дорогу между С.-Петербургом и Москвой невозможно и бесполезно». Широко известен исторический анекдот о том, чем закончилась первая попытка осуществить строительство: дорогу не построили, а деньги потратили. Царь-батюшка даже не сильно осерчал на это. Якобы он начертал на бумаге, которую ему по поводу дороги подали: «Железной дороги нет. Денег нет. Виноватых нет. Повелеваю — строить всё заново». Так или иначе, для строительства был учреждён особый комитет, председателем которого был назначен наследник престола, цесаревич Александр, а при комитете создана особая строительная комиссия.

В конце концов железные дороги как-то научились строить, ведь Транссиб — это всё-таки не «Питер-Москва», а гораздо более масштабный проект, и построили магистраль во вполне разумные сроки. Но даже император не мог создавать специальный комитет с цесаревичем во главе под каждое техническое новшество, поэтому внедрение новых технических систем, прежде всего — военных, новых кораблей и самолётов — шло с большим трудом.

Сюжет повторяется: собирались строить скоростную магистраль Санкт-Петербург — Москва, вроде и площадка была под вокзал выделена...

Там вырыли яму, зарыли в неё приличный по тем временам кредит, 40 миллионов долларов. В общем, это была самая дорогая яма не то что в стране, но, может быть, и в мире. Причём в центре Питера, рядом с Московским вокзалом, пришлось со скандалом снести пару исторических зданий.

Сейчас уже закопали?

Сейчас там начали наконец строить, но не вокзал, а торгово-развлекательный комплекс… В общем, да, очень похожий сюжет.

«Повелеваю...»? Что ругаться, попробуем ещё раз?

Да, страна большая, ещё зароем денег, всё равно куда-то на пользу пойдут. Возвращаясь к теме: имеющийся тип управления, доставшийся нам из советских времён и частично модернизированный под западным влиянием, скорее, характерен для классической индустриальной экономики. Управлять сложными структурами, типа фондовых рынков, он может с трудом. Государство вообще управляет ими плохо, даже в США для этого создана двухступенчатая система, сочетающая в себе государственный орган — Комиссию по ценным бумагам и биржам США (SEC) — и саморегулируемые организации профессиональных участников рынка ценных бумаг США — фондовые биржи и NASD (Национальная Ассоциация Фондовых Дилеров). Формально даже Федеральная резервная система США является не государственным учреждением, а самоуправляемой организацией.

То есть новые сущности постиндустриального типа с трудом схватываются классической системой управления. И снова возникает вопрос к типу статистики: считать сталь

[1] см. «Как появились броненосцы» на с. 20.

Произошла консолидация научной элиты — при том, что учёные были занятыми и состоявшимися людьми, каждый при своих делах, заботах и исследованиях. Тем не менее они восприняли задачу инвентаризации всех доступных производственных сил России как безотлагательную.

Накопившиеся в мире социально-экономические диспропорции последние два раза решались путём мировых войн. Для предположения, что в третий раз эти диспропорции почему-то будут разрешаться по-другому, нужны какие-то очень серьёзные основания.

можно в тоннах, прокат — в метрах, а вот как считать интернет-трафик — не очень понятно, потому что в терабайто-километрах уже нельзя. Точнее, можно, но это никак не отражает реального наполнения этого трафика, его роли в хозяйственном обороте: мешать в одну статистику просмотры порнографии и финансовые транзакции бессмысленно.

К таким современным постиндустриальным типам деятельности, которые плохо регулируются классической индустриальной системой, точно принадлежит логистика как высшая форма управления сложными потоками. Она лежит уже в другой технологической рамке, куда нужно отнести все распределённые системы типа Интернета, сотовой связи, регулирования сложных социально-экономических или демографических процессов. В классической индустриальной парадигме описание и регулирование этих процессов крайне затруднено.

Требуется некая новая парадигма, которая, с одной стороны, будет схватывать изменившуюся реальность, предложит какие-то инструменты для её описания и количественного измерения, мониторинга, а с другой стороны, даст средства и инструменты, позволяющие с этой реальностью работать. В этом плане попытка создать новую управляющую структуру — корпорацию «Роснанотех» — правильна, потому что нано — это постиндустриальная технология, и она не сможет работать в рамках классического бюрократического управления индустриальной системой.

Ещё одна область, где плохо работает индустриальная логика, — управление интеллектуальной собственностью, что и показывает кризис наших взаимоотношений с «Майкрософтом». Но сейчас во всём мире возникают сложные вопросы с интеллектуальной собственностью, например, с удалённым доступом в онлайн-библиотеки. Считать ли это нарушением авторских прав? Видимо, абсолютизация авторского права, которое базируется ещё на концепциях, связанных с недвижимостью, земельной собственностью, в какой-то мере будет преодолеваться. Не очень понятно, каким путём, но информационный мир не может опираться на святость и неприкосновенность интеллектуальной собственности, это просто не даст ему развиваться.

Как получилось, что в Первую мировую мы прекратили поставлять в Германию хлеб, а она благополучно продолжала с нами воевать?

Во-первых, Германия за счёт военных успехов захватила часть производящих хлеб регионов, и хлеб продолжал там расти. Аграрное производство очень консервативно, крестьянину, в общем, всё равно, кто захватил его территорию.

Это, наверное, касается и нефтегазовых ресурсов?

В меньшей степени, потому что в нефтегазовой сфере труба — она длинная, месторождений не так много. Пока нефть не доставлена к морскому порту, она маломобильна, привязана к существующей инфраструктуре трубопроводов. А вот хлебушек — более мобильный ресурс: он вырос, сжали и отвезли. Крестьянин, в общем, ничего другого делать не умеет, в армию он идти не хочет, поэтому он лучше будет пахать и сеять, пока его власть оставляет в покое. Это один момент. Второй момент связан с тем, что зерно можно накопить в достаточном количестве, чтобы продержаться два-три года. Собственно, стратегические запасы зерна до сих пор поддерживаются, зерно хорошо хранится. Нефть, в отличие от зерна, хорошо горит и привязана к крайне уязвимым централизованным источникам добычи, переработки и, по большому счёту, транспортировки. В результате движения линии фронта всё это будет с высокой вероятностью уничтожено, в отличие от зерна, которое растёт и перерабатывается децентрализованно. То есть первый фактор, если вернуться к вопросу о Германии, это захват территорий, производящих хлеб или уже имеющих складированные запасы.

Во-вторых, формула «Россия кормила Европу хлебом» неоднозначна — всё дело в том, что себестоимость российского зерна была низкой по сравнению с европейскими затратами. Для Европы эти цены фактически были демпинговыми. Она тогда защищалась ограничительными пошлинами от российского зерна, хотя и сама могла его производить (а урожайность там была в разы выше российской). Просто это было экономически невыгодно — а в военных условиях стало выгодно. Нельзя сказать, чтобы они сами не могли себя прокормить, просто это такой рыночный процесс.

Рассматриваемая параллель тогдашнего зерна и нынешних нефти и газа даёт чёткое ощущение, что российская элита готовится к войне предыдущего цикла. Более того, известно, что те же факторы, которые обеспечивали России преимущество в аграрном производстве (обширные территории, много не очень грамотных крестьян, которые охотно работали), давали серьёзный минус к нашим военным возможностям. Оперативно перебросить войска через большие территории было технически невозможно — дорог строили мало (не то что перебросить — в Крымскую войну, когда к Петропавловску-Камчатскому подошёл британский флот, гарнизон даже не знал, что Россия воюет с Англией: сообщение туда доходило через год). Поскольку крестьяне были слабо образованными, со сложной военной техникой они обращаться не могли, осваивали и применяли только примитивные типы оружия.

Поэтому вполне возможно, что явные конкурентные преимущества, поддерживающие нашу нефтегазовую монополию (обширные запасы полезных ископаемых, раз-

Возможно, это будет война неклассического типа с присутствием элементов постмодерна: наверное, не будет массовой оккупации территорий, смысл её будет в переходе под контроль внешних акторов месторождений ключевых ресурсов — нефти, газа, железа, урана и транспортных узлов.

витая система их транспортировки, возможность экономики получать дешёвые нефтедоллары), в каком-то смысле являются и недостатком: инновационное развитие экономики сейчас никому не выгодно, гораздо проще продавать нефть. Сырьевое проклятие, оно же не зря обсуждается…

Нефтяной соблазн.

Да, соблазн. У Дмитрия Быкова есть фантастический сюжет: открывают новый, идеально горящий газ флогистон, который есть везде, кроме России, и российская нефть становится никому не нужной в принципе. Соответственно, в книге, с одной стороны, обсуждается, почему же бог обделил Россию флогистоном, а с другой стороны, описывается, как происходит схлопывание всей российской экономики и культуры. Действительно, опора на природные ресурсы, она не очень честная и правильная. Во-первых, они конечны…

Во-вторых, они просто не подразумевают практику сложности, не позволяют сложным заниматься?

Конечно, существуют специфические, достаточно сложные области знания, необходимые в добыче нефти и газа. Например, в Советском Союзе для стимуляции нефтеотдачи использовались подземные ядерные взрывы. Что, в общем, является пиком военного хай-тека: малогабаритный ядерный заряд, который можно спустить в нефтяную скважину…

Но в целом это даёт нам и массу ограничений: например, тормозит энергосбережение, ведёт к высокой энергоёмкости ВВП. «Лёгкие деньги», получаемые от дорогой нефти, просто лишают стимулов к развитию других, более интеллектоёмких отраслей экономики. И самое печальное, что в случае более или менее крупномасштабного военного конфликта выигрыш в значительной степени будет достигнут за счёт передовых систем управления и связи. Конкурентоспособность наших военных здесь сомнительна: Россия который год пытается запустить систему ГЛОНАСС, а тот же GPS работает уже не один десяток лет. Мы, конечно, выиграли войну у маленькой и гордой Грузии, но это не выглядит уж очень большим достижением.

Об этой возможной войне говоришь как о метафоре серьёзного противостояния и испытания готовности — или как о возможном историческом сюжете?

Этот сюжет более чем возможен, потому что накопившиеся в мире социально-экономические диспропорции последние два раза решались путём мировых войн. Для предположения, что в третий раз эти диспропорции почему-то будут разрешаться по-другому, нужны какие-то очень серьёзные основания. Возможно, это будет война неклассического типа с присутствием элементов постмодерна: наверное, не будет массовой оккупации территорий, смысл её будет в переходе под контроль внешних акторов месторождений ключевых ресурсов — нефти, газа, железа, урана — и транспортных узлов. Просто будет как-то изменена управленческая схема, и данные ключевые ресурсы будут выведены из-под контроля российской элиты.

Байкал заберут.

Да, особо охраняемые территории. Возможны несколько сюжетов. Первый — это управляемая гуманитарная катастрофа, когда вторжение идёт по линии гуманитарной помощи и блокирования чрезвычайной ситуации. Вторая линия — что уже активно разворачивается — борьба с террористической угрозой. Это сценарий Афганистана, который, в общем, был ни сном ни духом про башни-близнецы, но пострадал первым. Ещё один расклад, который явно предвещает очередную горячую войну, — это, конечно, положение Японии, которое совершенно неадекватно политически и экономически. Япония проходит какой-то очень сложный этап внутренней модернизации. И обычно она такую модернизацию сопровождает войной, гражданской или внешней. Революция Мэйдзи в 1862–1868 годах и гражданская война запустили первую волну модернизации — открыли Японию для иностранных капиталов и технологий. Вторая модернизация — это начало века, русско-японская война, переход к новой колониальной политике, первый опыт колониальной экспансии. Третья модернизация связана со Второй мировой войной, «зоной совместного процветания», которую Япония пыталась создать под лозунгами борьбы с европейским империализмом. Сейчас у них есть шанс провести четвёртую модернизацию, переход от развитой индустриальной к постиндустриальной и информационной экономике. Боюсь, что и в этот раз японцы выберут внешнюю военную экспансию, а воевать они, в общем, умеют. Культурологически самурайские традиции в Японии всё ещё достаточно сильны, современных вооружений достаточно. Они развернули у себя позиционный район ПРО — пока с американской помощью, но это только начало. Вопрос создания тактического ядерного оружия при имеющемся уровне развития промышленности и науки может быть решён японцами в течение полугода-года, для этого необходима лишь политическая воля. Своя космическая ракета, пусть и не очень удачная, как межконтинентальное средство доставки, у них уже есть… Хотя, скорее, им нужно тактическое ядерное оружие.

В общем, есть несколько оснований, почему война в какой-то форме грядёт. Но как раз Японии нужна классическая война с оккупацией части территории.

Имеющийся тип управления, доставшийся нам из советских времён и частично модернизированный под западным влиянием, скорее, характерен для классической индустриальной экономики. Управлять сложными структурами, типа фондовых рынков, он может с трудом.

В случае более или менее крупномасштабного военного конфликта выигрыш в значительной степени будет достигнут за счёт передовых систем управления и связи. Конкурентоспособность наших военных здесь сомнительна: Россия который год пытается запустить систему ГЛОНАСС, а тот же GPS работает уже не один десяток лет.

Потому что именно территория ей и нужна?

Им нужна даже не совсем территория, им нужна, скорее, модернизация элиты. В силу специфического характера японского общества старшие по возрасту всегда старше и административно — эта их традиционная логика в значительной мере до сих пор соблюдается. Нужно этим старшим выделить новую территорию, куда они уйдут, оставив в покое постиндустриальное ядро, которое требует новых управленческих ходов. Или они героически погибнут в войне за новые земли, что, в общем, тоже всех устроит: оставшиеся в живых будут ходить молиться в храм Ясукуни. Современный тренд однозначно ведёт к какой-то форме «горячей» войны с участием Японии. Когда и какой — сказать трудно, но по прогнозам наиболее вероятен 2017 год — в коридоре с 2015-го по 2019-й.

В начале века в России интеллектуальная элита самомобилизовалась. Что возможно сейчас?

В современной России интеллектуальная элита довольно сильно воздействовала на государственное управление. Достаточно вспомнить, что Борис Абрамович Березовский — член-корреспондент Академии наук, и это его член-корреспондентство не куплено в перестроечный период, а получено ещё в советское время.

В чём он специалист?

У него была специальность «Исследование операций и принятие решений», в общем, по управлению. Подходы интеллектуальной элиты к переустройству российской власти были — просто они не стали консолидированной позицией этой элиты. Вероятно, сейчас она просто не способна предложить конструктивную, понятную власти повестку дня. Вспомним, как возникла КЕПС: Вернадский выступил на заседании одной из академических структур, чем запустил лавинообразный процесс, и далее ситуация самоорганизовалась вокруг него в некую систему. Понятно, что он пришёл в нужное время, в нужное место и с нужной повесткой дня.

Честно говоря, мне совсем непонятно, кто, куда и с какой повесткой дня должен прийти в современной России, чтобы собралась самоорганизующаяся система и начала активную работу. Нынешняя Академия наук, видимо, к этому мало готова, да и вряд ли возможно дважды войти в одну и ту же реку. Если однажды это удалось в Академии — наверное, во второй раз произойдёт где-то в другом месте. А где — и удастся ли это сделать вообще — трудно понять. Но если проводить исторические параллели, то в начале XX века Академия наук была на пике исследований ресурсов индустриального типа. Логично предположить, что следующая площадка сборки и самоорганизации должна находиться в зоне передовых исследований ресурсов постиндустриального типа. Может быть, в социологии и теории коммуникации, исследованиях децентрализованных моделей управления.

Кто в России делает такое?

Такого рода вещи, как мне представляется сейчас, разбросаны по изолированным площадкам. Но, с другой стороны, Вернадский тоже начал на отдельной (физико-математической) секции — а далее процесс сам масштабировался.

То есть это даже не было общим собранием Академии наук, на котором он взошёл на трибуну и...

Нет, предложение было высказано им на конкретной секции. КЕПС росла органическим, не административным образом. Не было так, что главный академик сказал: надо! — и все пошли за Вернадским. Вообще, особенностью КЕПС были выраженно демократические принципы управления, не очень характерные для того периода.

Возвращаясь к вопросу, как в сегодняшней России может произойти интеллектуальная мобилизация под задачи практического действия, модернизации общества: мне кажется, что по крайней мере как механизм могут выступить социальные сети, это достаточно передовой постиндустриальный информационный продукт. В них должны созреть и развернуться какие-то новые формы организации и самоорганизации, которые постепенно вовлекут в свою работу широкий круг экономических и управленческих агрегатов.

В «Одноклассники» надо шары запускать.

Да-да, «Одноклассники», «В Контакте», что-то такого типа, потому что там сложные формы организации доверия участников коммуникации и самой коммуникации. И, конечно, это будут не технари — они, в общем, свой цикл отработали. Скорее, какие-нибудь лингвисты. Ну, или хотя бы не только технари.

Скажи, а что, по твоей мысли, должно быть и может быть сделано не в части организации этого процесса, а в части содержательной? Что должна узнать Россия сейчас?

С моей точки зрения, ключевым дефицитом является отсутствие нового понятия справедливости. Классическое понятие справедливости — что аграрного, что индустриального типа — связано с собственностью, прибавочной стоимостью, присвоением результата труда, перераспределением. Понятно, что в

НОВОСТИ

Имея перед собой примеры, не стимулирующие ни к образованию, ни к обучению, ни к каким-то видам регулярной производственной деятельности, молодые люди в результате повисают в мотивационном вакууме.

постиндустриальной экономике базовые продукты имеют другую форму, перераспределение в информационном мире вообще очень сложно устроено, и опора на классические понятия индустриальной, а тем более аграрной эпохи уже не работает. В этом плане те же спекуляции на фондовом рынке воспринимаются не то что несправедливыми, но в отношении их невозможно давать оценку по типу справедливо — несправедливо.

Они как бы вне этики.

Да, вне этики, и, пока не будут созданы какие-то основания для этической оценки происходящих социально-экономических процессов, вряд ли что-то у нас изменится.

Возможно, с этим связан и кризис вовлечения в деятельность.

Страдает мотивация, конечно, поскольку классические стимулы в значительной степени обесценены наглядными примерами того, что «на самом деле» всё устроено как-то по-другому. Ну, нет инструмента объяснить, в чём справедливость положения Ксении Собчак. Наверное, к нему есть какие-то основания, но современному молодому среднеобразованному человеку понять их очень сложно. Имея перед собой такие примеры, не стимулирующие ни к образованию, ни к обучению, ни к каким-то видам регулярной производственной деятельности, молодые люди в результате повисают в мотивационном вакууме. Далее — смотри многочисленные жалобы работодателей на невменяемость современной молодёжи, которая совершенно не может работать — не понимает, зачем!

Для западного мира эти проблемы частично решаются в рамках протестантской морали, которая просто велит трудиться, и там есть примеры, когда даже дети миллионеров вынуждены самостоятельно зарабатывать на жизнь со студенческой скамьи. Потому что папа считает, что они должны пройти школу жизни, и доверить управление своим состоянием он может только состоявшемуся человеку, который что-то в жизни понял и чего-то сам достиг. Если вообще будет передавать по наследству это состояние, а не отдаст в какой-нибудь фонд, как Билл Гейтс, к примеру. России протестантская мораль культурологически не свойственна. Отдельные её фрагменты, конечно, прививаются, но не очень успешно, и генерируемые средствами массовой информации культурные образцы тому не способствуют.

Очевидно, что с этикой связаны какие-то ещё сложности… Нужен предмет этической оценки. В аграрном мире понятно: заросшая бурьяном земля — это плохо, а возделанные поля — это хорошо. В индустриальном мире завод с чадящей трубой — это, в общем, хорошо, а закрытый завод и развалины цехов — это плохо. Наглядные визуальные ряды. А что хорошо или плохо в информационном мире — это как-то ещё недооформлено… Интернет-сайт с высокой посещаемостью — это хорошо, наверное, а сайт, на который годами никто не заходил, — это плохо? Но культурологически это совершенно не закреплённый образ.

То есть, собственно, дефицитно представление о современном благе?

Да, что такое современное благо. Потому что в чисто экономической логике благо никогда не описывалось, оно всегда вводилось моральными либо этическими категориями. Представление о деньгах как о благе, наоборот, подвергалось критике — по крайней мере, в философии, литературе, искусстве — и, в общем, достаточно обоснованно. Но кризис гораздо глубже, потому что сама природа денег сейчас под большим вопросом. Мне сложно говорить о том, что такое теперь деньги, потому что с кризисом Бреттон-Вудской системы, отказавшейся от привязки валюты к золотому запасу, не очень понятно, как же нам обустраивать следующую денежную систему и как обеспечить в ней баланс справедливости перераспределения тех или иных ресурсов. Может, мерилом справедливости и счастья и будут деньги, но это будут какие-то другие деньги. Понятно, что мерилом работы не будет усталость, будет по-другому. С другой стороны, креативность тоже не может быть мерой работы, потому что креативность должна быть каким-то образом актуально востребована. Иначе она подобна канаве, прокопанной из ниоткуда в никуда. И что вообще есть, в широком смысле, деятельность в информационно-постиндустриальном мире — не очень понятно.

А догадаться о том, что какая-то такая сборка пошла, мы сможем, увидев консолидацию по этическому основанию, происходящую в каких-то слоях?

Мы сможем наблюдать рост массовых движений, имеющих квазиидеологическую направленность. Потому что с точки зрения внешнего наблюдателя распознать их «этичность» будет сложно. Снаружи это не будет воспринято как этика, а некая организованность и устремлённость новых групп будет, скорее, производить впечатление религиозно-сектантского толка. Что-то их воодушевило и вдохновило — но что именно, настолько непонятно, что можно только удивляться.

Мы следили за развитием событий на Байкале, когда Вайншток[2] хотел проложить трубу по его берегу. И вот что интересно: с Сибирью же вообще в России обходятся не очень хорошо: в части ресурсных обменов, баланса налоговых платежей, экологических вещей и всего такого. Те или иные трибуны порой заявят об этом, и это уже общее место: ну, да, это так, но никто на улицу не выходит оттого, что трансферы

[2] Семён Вайншток, тогда президент компании «Транснефть». Компания намеревалась построить трубопровод «Ангарск – Находка» в непосредственной близости от побережья Байкала (около 800 м). Под давлением общественности было принято решение о переносе трубы к северу. См. №3 «СШ».

устроены несправедливо. А вот когда «славное море» оказалось в опасности, народ вышел на улицу.

Может быть, станут заметны какие-то массовые акции типа флэшмобов. Это такой новый тип современных постиндустриальных социальных действий — они могут быть индикатором «новой этики».

Возникновения разделяемого значимого?

Да, причём на совершенно разных основаниях. Более того, мне кажется, в будущих флэшмобах появится сложное разделение труда. В грубом примере, участники принесут отдельные компоненты — плакаты, которые соберут на месте в пазл… в надпись, которую будет видно со спутника… Классические транспарантные демонстрации или бутылки с коктейлем Молотова — это не то, должны прийти более сложные и нетривиальные формы. В Крыму недавно была акция протеста против захвата сельскохозяйственных угодий: собрались сто человек и начали непрерывно ходить через пешеходные переходы. На Украине, в общем, нравы у водителей мягче, пешеходов принято пропускать — в результате федеральная трасса встала. Такая мягкая, ненасильственная форма протеста.

В рамках правил.

И даже в рамках правил. Это должны быть, с одной стороны, малонасильственные действия, с другой же — очень доходчивые. И воздействовать они должны, скорее, на уязвимые информационные узлы и каналы, чем на физические объекты.

Флэшмоб сейчас активно развивается, выделяются самостоятельные течения, иногда совсем нетривиальные. Например, в одном из вариантов флэшмобер своими действиями очень слабо выделяется из толпы, и некий смысл действа в том, что ты не знаешь: твой сосед в толпе — он флэшмобер или нет? Небольшое отличие, пограничное состояние, малые сдвижки… У участников возникают интересные социально-психологические эффекты, они чем-то напоминают наркотические: народ попадает в состояние неопределённости ситуации «свой-чужой» — вроде все свои, а вроде и не все. Эти вещи могут иметь какие-то совершенно специфические применения для уличной агитации. С точки зрения классической рекламы, раздатчик листовок должен быть ярко одет, чётко выделяться, стоять столбом и что-то такое громко говорить. А с точки зрения психологии флэшмоба, он должен быть растворён в толпе, незаметно тебе сунуть листовку, что-то шепнуть контактно-мягко-дружественно, неотстранённо. И через это завязать тебе некий квант доверия к передаваемому сообщению. Может, дать не листовку, а что-то другое, какой-то метафорический предмет. И в этом плане принципиально, что он должен быть неотличим от толпы.

Становится ли вызов возможной войны и невыигрыша в ней мобилизующим для страны? Ведь каким-то слоям понятно, о чём ты говоришь.

Вспомните историю Российской империи. Мы более или менее обоснованно проиграли Крымскую войну, это можно, в принципе, как-то простить. Против нас воевали великие державы, в общем, не стыдно было и проиграть. Но потом про-

Крупные корпорации не заинтересованы в резком переоснащении своих производств, потому что это обесценивает их основные фонды, базирующиеся на старых технологиях. И обычно инновации втаскивают маленькие подвижные компании, у которых ничего за душой нет и которым нечего терять.

Современные формы протеста должны быть, с одной стороны, малонасильственными, с другой же — очень доходчивыми. И воздействовать они должны скорее на уязвимые информационные узлы и каналы, чем на физические объекты.

играли и русско-японскую войну, а продуть второразрядной тогда Японии — это позорище вообще редкое. Дальше мы получили крайне неудачное начало Первой мировой. И только после этого какие-то шестерёнки в стране начали проворачиваться. Так что, может быть, и одного проигрыша будет мало. По крайней мере, исторический опыт указывает как раз на это.

Слаба способность к реальному предвидению, пониманию, что в действительности возможны разные сценарии? Что, русский не может понять что-то иначе, чем на собственном теле?

Для России характерна ситуация долго запрягать и быстро ехать, это культурологически укоренённая форма. С другой стороны, обычно управленческая элита очень не любит собственной модернизации, на это есть и психологические, и технологические основания. Развиваться вообще больно, страшно, опасно… ну, объективно элита это не любит. Им же всем есть что терять. А все эти страшилки… авось пронесёт и на мой век хватит.

Само нахождение в позиции управления ресурсоёмко, и, когда нужно отвлечь ресурсы на собственную модернизацию, встаёт вопрос: кто и за счёт чего будет удерживать управление?

Да, поскольку любая модернизация неизбежно приводит к резкому изменению баланса сил и приходу новых игроков. Поэтому модернизироваться никто не хочет, зачем это надо?! И, пока на повестке дня не оказывается вопрос выживания — причём физического выживания страны и элиты, никто и не почешется. В общем, так обычно и бывает. Конечно, отдельные более или менее интеллектуальные товарищи могут пытаться что-то изменить. И в работе КЕПС участвовали генштабисты и даже отдельные представители министерств: кто-то понимал, что в эту линию надо вкладываться, иначе стране будет совсем плохо. Но в целом царь-батюшка слушал Григория Распутина, а не Вернадского — ну, и последствия налицо. Думаю, что современная управленческая элита будет себя вести примерно так же. Это общая проблема модернизации элиты — не хотят развиваться. Кто-то не умеет; для кого-то это сложно, неприятно и дорого. Эта проблема наблюдается даже в чисто технологических вещах. Крупные корпорации не заинтересованы в резком переоснащении своих производств, потому что это обесценивает их основные фонды, базирующиеся на старых технологиях. И обычно инновации втаскивают маленькие подвижные компании, у которых ничего за душой нет и которым нечего терять. Крупные же норовят их задавить, не получается — купить, и уж если совсем деваться некуда, со скрипом чего-то такое внедряют.

Откуда может прийти новое представление о благе?

Если брать прямую историческую кальку, то, с одной стороны, представления о благе и справедливости привнесены марксизмом — в том аспекте, который был воспринят в России. По сути, это было постхристианское направление, которое ввело справедливое в тогдашних рамках распределение добавленной стоимости. И, что важно, Маркс политизировал введённое Адамом Смитом понятие «добавленной стоимости». Это было адекватно экономическому коду того времени, и даже рабочие кружки могли это изучать и понимать. Соответственно, можно предположить, что и сейчас учение о «правильном благе» и обустройстве новой макроэкономики будет взято откуда-то относительно извне — из работ экономистов, философов, социологов… И без такого учения ничего не получится. Соответственно, должна быть какая-то площадка, где такого рода вещи обсуждаются и разрабатываются.

Институт прикладной этики.

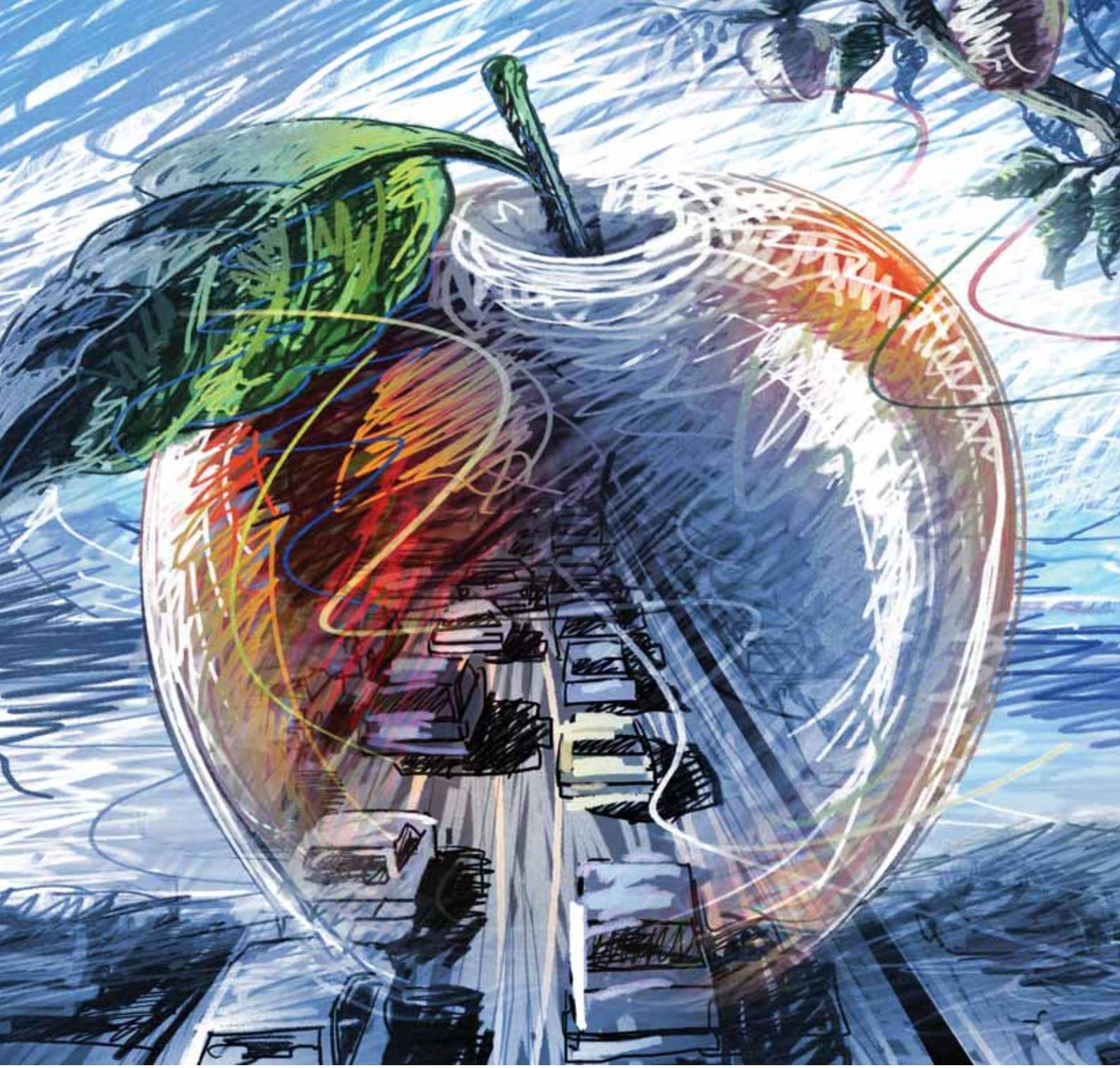
Или институт альтернативной истории, такого типа организованность, причём институт может быть выстроен в постиндустриальной логике — как периодическая тусовка где-то в горах. Это с одной стороны. С другой стороны, должна быть технологическая основа, которая позволит самоорганизоваться правильно. Мало иметь просто социальную сеть. Сама по себе, без нового понимания справедливости, она не даст качественного скачка в организации экономических, хозяйственных процессов. Необходим собственно и новый базис — экономическая основа такого рода движения, какие-то развитые элементы постиндустриальных производств. Поэтому нужно всячески развивать Интернет, сотовую связь и какие-нибудь биотех, нанотех, причём в максимально широких рамках: как в больших государственных институтах, так и в маленьких подвижных компаниях, отдельных исследовательских группах.

Ты говоришь о возможных экономических проекциях «новой этики»? Где именно она будет эффективна?

Нет, я хочу сказать другое: базис с надстройкой, в общем, как-то связаны — может быть, не так линейно, как в классическом марксизме. Но если нет экономического базиса, соответствующего типа управляемых структур, который задаёт востребованность нового типа управления, то развернуть его невозможно.

Конечно, это всё должно быть международным, такого рода программы не могут быть локализованы в рамках национального государства. С другой стороны, там должна быть и общая культурная идентичность, чтобы обеспечить высокую степень коммуникации, доверия, вовлечённости, связанности…

В Интернете есть многочисленные форумы, тусовки, группы, которые собираются на понятных основаниях — территориальных, политических; скажем, форум молодых мам, которые детскими вещами обмениваются… На этом фоне должны развиваться и какие-то форумы, коммуникационные группы, завязанные на неочевидные зоны консолидации, с этим надо работать, их ухватывать, изучать, развивать. Зона прорыва где-то там.



В Интернете есть многочисленные форумы, тусовки, группы, которые собираются на понятных основаниях — территориальных, политических, житейских…
На этом фоне должны развиваться и какие-то форумы, коммуникационные группы, завязанные на неочевидные зоны консолидации.